

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-12-116-124

ТУБОЛЕВ Сергей Максимович,
независимый исследователь, магистр права,
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ГУСЕВ Александр Васильевич,
независимый исследователь, магистр права,
г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ АВТОНОМИИ К ИНТЕГРАЦИИ В ЕДИНУЮ СИСТЕМУ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье представлено комплексное исследование трансформации компетенции органов местного самоуправления в условиях конституционной реформы 2020 года и принятия Федерального закона № 33-ФЗ, закрепившего включение муниципального уровня в единую систему публичной власти. На основе сравнительно-правового анализа норм Федеральных законов № 131 и № 33 выявлены ключевые тенденции эволюции правового регулирования — переход от перечневой модели «вопросов местного значения» к функционально-результативному подходу, ориентированному на обеспечение жизнедеятельности населения. Особое внимание уделено проблеме соотношения самостоятельности и управляемости муниципальных образований, изменению характера контрольно-надзорных процедур и соразмерности полномочий и ресурсов органов МСУ. В результате проведённого анализа предложена концепция трёхконтурного разграничения компетенции и комплекс организационно-правовых мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия между уровнями публичной власти при сохранении демократических основ местного самоуправления. Отдельно представлена авторская концепция развития контрольно-надзорной деятельности.

Ключевые слова: местное самоуправление; единая система публичной власти; компетенции органов местного самоуправления; вопросы местного значения; конституционная реформа; разграничение полномочий; ответственность органов местного самоуправления; контрольно-надзорная деятельность.

TUBOLEV Sergey Maksimovich,
Independent researcher,
Master of Law, Moscow, Russia

GUSEV Alexander Vasilyevich,
independent researcher,
Master of Law, Moscow, Russia

EVOLUTION OF THE LEGAL MODEL OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: FROM AUTONOMY TO INTEGRATION INTO A SINGLE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY

Annotation. The article provides a comprehensive study of the transformation of the competence of local self-government bodies in the context of the 2020 constitutional reform and the adoption of Federal Law No. 33-FZ, which established the inclusion of the municipal level into the unified system of public authority. Based on a comparative legal analysis of Federal Laws No. 131-FZ and No. 33-FZ, the study identifies the main trends in the evolution of legal regulation — the transition from the enumerative model of “issues of local importance” to a functional and result-oriented ap-

proach aimed at ensuring the vital activity of the population. Particular attention is paid to the balance between the autonomy and manageability of municipalities, the transformation of control and supervisory procedures, and the proportionality of municipal powers and resources. As a result, a three-level model of competence differentiation is proposed, along with a set of legal and organizational measures designed to increase the efficiency of interaction between different levels of public authority while preserving the democratic foundations of local self-government. The author's concept of development of control and supervisory activities is presented separately.

Key words: *local self-government; unified system of public authority; competence of local self-government bodies; issues of local importance; constitutional reform; division of powers; responsibility of local self-government bodies, control and supervisory activities.*

Вопросы развития и правового регулирования местного самоуправления (Далее – МСУ) на протяжении последних десятилетий стабильно занимают центральное место в российской юридической науке. Уже с начала XXI века наблюдался значительный рост интереса к конституционно-правовым аспектам организации муниципальной власти, что прежде всего объясняется появлением нового базового нормативного акта – Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утрачивает силу с 1 января 2027 года, далее – ФЗ № 131) [2]. Принятие данного закона обозначило этап становления института местного самоуправления и вызывало интенсивные исследования проблем компетенции, разграничения полномочий и соотношения местного и государственного уровней публичной власти.

Однако уже в первое десятилетие его применения практика выявила серьёзный дисбаланс. Внимание исследователей было сосредоточено на вопросах распределения функций между субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями, на проблеме соразмерности компетенции и ресурсного обеспечения, а также на недостаточной определённости статуса местной власти в общей системе управления. Конституционные поправки 2020 года стали отправной точкой нового этапа в эволюции муниципализма, так как они внесли принципиальные изменения в статью 132 Конституции РФ [1] и впервые закрепили участие органов МСУ в единой системе публичной власти.

Этот шаг оказался не просто формальным объединением различных уровней управления, а глубокой концептуальной трансформацией роли местного звена в системе государственного управления. Если ранее муниципальные образования рассматривались как относительно автономные субъекты, наделённые правом самостоятельно решать вопросы местного значения, то теперь им отводится функция подсистемы общего государственного механизма, участвующей в реализации задач обеспечения жизнедеятельности населения. Такая переоценка статуса и функций мест-

ного самоуправления повлекла необходимость пересмотра традиционных научных подходов и повторного осмысления правовой природы компетенции муниципальных органов.

Более чем двадцатилетняя практика функционирования системы, установленной Федеральным законом № 131-ФЗ, показала наличие целого комплекса устойчивых противоречий. Среди них — рассогласование объёма полномочий и финансово-экономических ресурсов, чрезмерная зарегулированность процедур, а также неэффективность двухуровневой территориальной модели, основанной на разделении полномочий между поселениями и муниципальными районами. Многие исследователи верно отмечают, что радикальные реформы 1990-х годов, закреплённые в Конституции 1993 года, не создали устойчивого баланса между центральной и местной властью [9].

Дополнительные проблемы были обусловлены тем, что значительная часть компетенции органов МСУ оставалась производной от решений регионального уровня. В результате фактическая самостоятельность муниципалитетов во многих случаях носила формальный характер. При этом конституционное регулирование само по себе, как подчёркивает Е.Ю. Комлев, не гарантирует быстрого и устойчивого развития института МСУ: его эффективность зависит от реального баланса полномочий, ресурсов и ответственности [8]. Именно поэтому исследование современного этапа трансформации компетенции МСУ требует системного анализа законодательных и конституционных новелл, их влияния на структуру публичной власти и на демократические механизмы участия населения.

Органы местного уровня наиболее доступны для граждан, и свёртывание выборных процедур отчуждает население от участия в решении вопросов местного значения, на это справедливо также указывала Д.Ф. Хубаева [16]. В этой связи становится очевидной необходимость комплексной оценки реформы МСУ 2020–2025 гг., позволившей выявить новые тенденции в разграничении компетенции между муниципальными и государственными органами власти. Многие исследователи

верно отмечают, что радикальные реформы 1990-х годов, закреплённые в Конституции 1993 года, не создали устойчивого баланса между центральной и местной властью [9].

Концептуальные основы компетенции органов местного самоуправления в рамках Федерального закона № 131

Концепция компетенции органов местного самоуправления, заложенная в ФЗ № 131, основывалась на дуалистическом понимании правовой природы муниципальной власти. Законодателем был предпринят баланс между двумя началами — самостоятельностью местных органов и их участием в системе публичного управления.

Статья 12 Конституции РФ закрепляет, что органы МСУ в пределах своей компетенции действуют самостоятельно и не входят в систему органов государственной власти. Одновременно статья 3 определяет народ как носителя суверенитета, осуществляющего власть не только через государственные органы, но и через органы местного самоуправления. Такая двойственность заложила основу для сочетания принципов автономии и институциональной взаимосвязи местной и государственной власти.

ФЗ № 131 был направлен на создание юридического механизма, обеспечивающего этот баланс. В нём чётко разграничивались собственные вопросы местного значения и отдельные государственные полномочия, передаваемые муниципальным образованиям. Муниципальные образования получили широкий спектр функций: формирование, утверждение и исполнение местных бюджетов, установление налогов и сборов, распоряжение муниципальной собственностью, управление земельными и имущественными активами, организация коммунальных услуг (электро-, тепло-, газо-, водоснабжение и водоотведение), снабжение топливом, благоустройство территорий, развитие транспортной инфраструктуры, поддержание объектов социальной и культурной сферы.

Практика реализации норм ФЗ № 131, однако, показала, что установленные перечни полномочий оказались чрезмерно широкими для большинства муниципальных образований, особенно сельских. Ограниченность финансовых и кадровых ресурсов препятствовала эффективному исполнению всех закреплённых функций. В таких условиях органы МСУ часто лишены возможности реально управлять подведомственными территориями, а фактическое выполнение возложенных на них задач нередко зависело от региональной поддержки. Отраслевое федеральное законодательство усугубило проблему, возлагая на местные органы функции государственного характера без передачи соответствующих ресур-

сов. Таким образом, несмотря на формальное разграничение компетенции, на практике сохранялось дублирование функций и размытие ответственности.

Двухуровневая модель территориальной организации местного самоуправления привела к дублированию управленческих решений, увеличению бюрократической нагрузки и снижению эффективности бюджетного расходования. Попытки законодателя смягчить эти противоречия посредством предоставления субъектам РФ права перераспределять полномочия между уровнями не дали системного эффекта.

На практике возникала ситуация, при которой принцип самостоятельности МСУ существовал декларативно, а взаимоотношения с органами государственного управления оставались неопределёнными.

Конституционная реформа 2020 года и принятие Федерального закона № 33

Конституционные поправки 2020 года стали поворотным моментом в развитии всей системы публичной власти в Российской Федерации, включая институт местного самоуправления. Новая редакция статьи 132 Конституции РФ закрепила принцип включённости органов МСУ в единую систему публичной власти, что влекло переосмысление их правового статуса и трансформацию модели компетенции.

Данное изменение не ограничивалось формулировкой нормы — оно обозначило смену концептуальной парадигмы системы управления: от несовершенной автономной муниципальной модели государство перешло к интегрированной схеме, где местный уровень рассматривается как функциональный элемент общей вертикали власти. Это стало проявлением стремления законодателя к унификации управления территорией и повышению эффективности решений, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения.

Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ № 33) [3], закрепил новый подход к построению муниципальной системы. Его принятие стало не просто технической корректировкой положений ФЗ № 131, а фактически новым этапом развития муниципального законодательства, отражающим результаты конституционных преобразований.

Если в прежней модели основное внимание уделялось автономии органов МСУ и их организационной обособленности, то ФЗ № 33 исходит из концепции интеграции и взаимодействия. Закон ввёл принципы единства публичной власти, взаимной ответственности и координации деятель-

ности органов различных уровней. В результате местное самоуправление перестало восприниматься исключительно как форма народовластия «на местах» и стало рассматриваться как составная часть государственного механизма реализации публичных функций.

Как отмечает Е. В. Кискин, включение органов МСУ в единую систему публичной власти является отражением конституционно-правовой интерпретации, проведённой Конституционным Судом РФ, и отвечает объективным реалиям российского государственного устройства, в котором границы между местными и региональными уровнями власти постепенно смещаются [7]. По сути, новый закон институционализировал тот порядок взаимодействия, который уже сложился на практике.

Одним из наиболее значимых отличий ФЗ № 33 от ФЗ № 131 стал отказ от жёсткого перечня «вопросов местного значения». Ранее законодатель стремился определить конкретные полномочия для каждого типа муниципальных образований — от сельских поселений до городских округов. Однако такой подход порождал избыточную детализацию и не учитывал различий в социально-экономическом потенциале территорий. Новый закон заменил перечневую систему принципиальной: теперь критериями отнесения полномочий к ведению МСУ являются направленность деятельности на обеспечение жизнедеятельности населения, возможность самостоятельного решения соответствующих задач муниципалитетом и ограниченность действия территорией конкретного образования.

Такое преобразование свидетельствует о переходе к функциональной модели регулирования, где приоритет отдаётся реальной способности местного уровня решать задачи населения, а не формальному закреплению за ним многочисленных обязанностей. Эта новелла позволит законодателю придать системе МСУ большую гибкость, сохранив при этом управляемость.

В рамках новой модели компетенция органов МСУ охватывает широкий круг функций, выполняемых во взаимодействии с субъектами государственного управления. К ним относятся создание условий для развития физической культуры и спорта, организация мероприятий по охране окружающей среды, участие в профилактике терроризма и экстремизма, предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций, а также содействие реализации мер по обеспечению общественной безопасности. Тем самым подтверждается, что многие направления деятельности, обеспечивающие жизнедеятельность населения, требуют согласованных действий различных уровней публичной власти.

Особое внимание в ФЗ № 33 уделено взаимодействию муниципального и регионального уровня. Закон предусмотрел ряд инструментов участия органов государственной власти субъектов РФ в организации системы местного самоуправления. Среди них — согласование кандидатур на должность главы администрации муниципалитета и предоставление высшему должностному лицу субъекта права инициировать досрочное прекращение его полномочий. Эти механизмы, по замыслу законодателя, должны укрепить ответственность и согласованность управленческих решений, однако в научной среде их часто рассматривают как ограничение самостоятельности МСУ.

Значимым нововведением ФЗ № 33 стал отказ от двухуровневой территориальной структуры МСУ, установленной ФЗ № 131. Поселенческий уровень управления упразднён, а в качестве основных типов муниципальных образований закреплены муниципальные и городские округа. Целью такого шага заявлялось повышение эффективности и концентрация ресурсов. Предполагалось, что укрупнение управленческих единиц позволит оптимизировать бюджетные расходы и повысить результативность управления. Тем не менее, как справедливо указывают П.И. Куконков,

С.В. Устинкин и Ф.Г. Вагапова данная мера сопровождается рисками снижения территориальной доступности власти для населения [10]. Для жителей удалённых поселений и малых населённых пунктов взаимодействие с органами МСУ в связи с муниципальной реформой будет становиться сложнее, а участие граждан в реализации обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований — менее прямым. Аналогичную позицию занимают Э. Ю. Майкова и Е. В. Симонова, отмечающие, что в муниципальных образованиях с численностью населения менее одной тысячи человек, упразднение поселенческого уровня фактически лишает граждан возможности непосредственного диалога с местной властью и ослабляет подотчётность органов МСУ [11].

Реформа территориальной структуры сопровождалась изменением концепции распределения полномочий. Законодателем была предпринята попытка устранить дублирование функций между уровнями власти и повысить прозрачность ответственности. Вместе с тем остаются нерешёнными вопросы финансового обеспечения и соответствия возложенных обязанностей экономическим возможностям муниципалитетов. В ФЗ № 33 принцип соразмерности полномочий и ресурсов закреплён декларативно и не подкреплён механизмом реальной компенсации. Это

создаёт угрозу возложения на местные органы обязанностей, исполнение которых невозможно без внешней поддержки.

Сравнительный анализ положений законов ФЗ № 131 и ФЗ № 33 демонстрирует общую тенденцию — постепенный переход от концепции автономии к модели функциональной интеграции. Если ранее взаимодействие с субъектами государственного управления рассматривалось как исключение, то теперь оно приобрело статус постоянного, неоспоримого и системного элемента. При этом субъекты управления на местах всё чаще выступают не самостоятельным субъектом, а исполнителями координированных управленческих решений.

Такое положение усиливает институциональную связанность всех уровней публичной власти, но одновременно вызывает опасения относительно дальнейшего сужения сферы самостоятельных полномочий муниципальных органов. Усиление роли региональных органов власти при кадровых назначениях и контроле за деятельностью МСУ приводит к росту административной зависимости.

Таким образом, Конституционная реформа 2020 года и последующее принятие Федерального закона ФЗ № 33 ознаменовали переход к новому этапу развития местного самоуправления, характеризующемуся усилением координационной функции государства и постепенной централизацией полномочий при сохранении декларируемого принципа самостоятельности. Эта трансформация требует выработки новых правовых механизмов, способных обеспечить баланс между эффективностью управления и демократическими основами муниципальной власти.

Сравнительный анализ Федеральных законов № 131 ФЗ и № 33 ФЗ: тенденции и проблемы компетенции

Сравнительный анализ двух ключевых федеральных законов, регулирующих основы местного самоуправления, ФЗ № 131 и ФЗ № 33 позволяет выявить системные сдвиги в концепции компетенции органов МСУ, отражающие эволюцию понимания роли муниципалитетов в публичной власти.

Федеральный закон № 131 2003 года создавал модель, ориентированную на обеспечение организационной и функциональной самостоятельности муниципальных органов. Его основная идея заключалась в разделении сфер ответственности между государством и местным самоуправлением и закреплении за последним определённого круга «вопросов местного значения», решаемых на принципах самоуправления. Эти вопросы имели чётко очерченные границы и включали

широкий спектр направлений — от управления имуществом до организации жилищно-коммунального хозяйства.

В свою очередь, Федеральный закон № 33 2025 года кардинально изменил саму философию регулирования. Законодатель отказался от детализированного подхода в пользу функционально-целевой модели, где ключевым критерием становится не форма, а результат деятельности органов МСУ. Компетенция теперь формулируется через задачи по обеспечению жизнедеятельности населения, а не через перечень полномочий. Такая концепция предполагает гибкость, но одновременно ослабляет чёткость разграничения между муниципальной и государственной сферой. Главным следствием этого перехода стала тенденция сближения правового статуса муниципальных органов и органов государственной власти. Формально сохраняя элементы автономии, органы МСУ всё глубже интегрируются в вертикаль публичного управления. Это выражается как в механизмах кадрового участия органов субъектов РФ, так и в усилении контроля за деятельностью муниципальных образований со стороны субъектов РФ.

Если ФЗ № 131 рассматривал взаимодействие государства и муниципалитетов преимущественно в плоскости законности (надзор, проверка соблюдения правовых норм), то ФЗ № 33 вводит институциональные формы управленческой координации, включая согласование ключевых решений, совместные программы и отчётность. Таким образом, контроль за законностью трансформировался в контроль за эффективностью.

Отдельного внимания заслуживает изменение роли субъектов Российской Федерации. В прежней редакции законодательства их участие в организации МСУ ограничивалось рамками общих принципов. В новой модели регионы фактически становятся координаторами муниципального уровня, получая дискреционные полномочия по определению структуры органов, утверждению уставов, контролю за расходованием субвенций и участию в формировании кадрового состава. Это ведёт к тому, что органы МСУ во многих случаях утрачивают самостоятельность при принятии ключевых решений.

При всей внешней логичности концепции «единой публичной власти» она порождает целый комплекс противоречий.

Во-первых, происходит размывание границ ответственности: одни и те же функции могут дублироваться государственными и муниципальными органами, а в случае неисполнения трудно определить конкретного субъекта, несущего юридическую ответственность. Во-вторых, сохраняя

ется несоответствие между объёмом возложенных задач и финансовыми возможностями органов МСУ. Несмотря на то, что закон провозглашает принцип соразмерности, он не подкреплён конкретными гарантиями ресурсного обеспечения.

Новая модель усиливает и кадровую зависимость муниципальных органов. Участие высшего должностного лица субъекта РФ в согласовании и прекращении полномочий главы администрации делает невозможным формирование по-настоящему независимой муниципальной исполнительной власти. Как верно подчёркивает В.И. Васильев, «ограничение выборных начал на муниципальном уровне ведёт к ослаблению демократических основ местного самоуправления и снижает степень доверия населения к власти» [4].

Не менее значима в этой связи и проблема территориальной доступности органов МСУ. Переход к одноуровневой системе, несмотря на свою административную рациональность, ослабил обратную связь между властью и населением.

При этом нельзя не отметить и предположительно положительные стороны интеграционной модели. Во-первых, она обеспечивает определенную согласованность действий всех уровней власти в решении вопросов, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения. Во-вторых, усиливается возможность реализации комплексных программ социально-экономического развития территорий, что особенно актуально для регионов с ограниченными ресурсами.

В совокупности эти факторы указывают на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, направленного на создание устойчивой, сбалансированной модели разграничения компетенции. Для этого требуется нормативное закрепление критериев распределения полномочий, установление механизмов координации и ответственности, а также внедрение обязательной процедуры оценки финансово-экономических последствий при принятии новых решений о перераспределении задач между уровнями власти.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что современная модель местного самоуправления в России развивается в направлении институциональной интеграции с государственной системой при сохранении формальных признаков автономии. Главным вызовом становится необходимость найти баланс между эффективностью управления и сохранением демократических основ самоуправления, без чего невозможно устойчивое развитие публичной власти.

Ответственность и контрольно-надзорная деятельность органов местного самоуправления.

Одним из наиболее дискуссионных направлений реформы местного самоуправления является изменение подходов к контрольно-надзорной деятельности и определению ответственности органов МСУ. Проблема заключается в том, что при включении муниципальных образований в единую систему публичной власти сохраняется неопределённость в распределении ответственности между муниципальным и государственным уровнями. Федеральный закон № 33 формально закрепляет самостоятельность органов МСУ в пределах их компетенции, однако одновременно подчёркивает необходимость координации действий всех уровней публичной власти. На практике это может привести к тому, что государственные органы получают расширенные полномочия по контролю и оценке эффективности деятельности муниципалитетов, включая проведение проверок, запрос отчётности и применение мер дисциплинарного воздействия.

Существующая модель контроля (унаследованная от периода активной реализации ФЗ №131), изначально была ориентирована на обеспечение законности. Однако в последние годы она приобрела черты управленческого надзора, когда внимание проверяющих органов сосредоточено не только на соблюдении правовых норм, но и на результатах деятельности.

Наиболее уязвимыми остаются муниципальные образования с ограниченной налоговой базой. Штрафы, начисляемые надзорными органами, могут составлять значительную часть годового бюджета, что фактически лишает органы МСУ возможности решать вопросы местного значения (вопросы обеспечения жизнедеятельности населения). Эта ситуация требует перехода к иной философии контроля — от карательной к профилактической.

Министерство юстиции Российской Федерации в 2025 году предложило концепцию реформирования контрольно-надзорной системы на муниципальном уровне. Данное нововведение уже рассматривается в первом чтении в Государственной Думе РФ [19]. Целью реформы является постепенное снижение давления на муниципальные образования. Однако остаются вопросы относительно реального механизма её реализации. Её центральным элементом является риск-ориентированный подход, предполагающий ранжирование муниципалитетов по степени потенциальных нарушений и применение к ним дифференцированных форм надзора. В качестве приоритетных инструментов обозначены: профилактические визиты, консультирование, анализ правоприменительной практики, досудебное урегулирование споров и сопровождение муниципалитетов в процессе устранения нарушений.

Такая модель в целом отвечает целям повышения эффективности управления и снижению административной нагрузки, однако, её реализация возможна лишь при условии достаточного кадрового обеспечения и нормативной определённости полномочий контролирующих органов. В противном случае реформирование рискует остаться формальным.

Важное значение приобретает также вопрос о персональной ответственности должностных лиц органов МСУ. Отсутствие чётких критериев для оценки действий главы муниципального образования, руководителя администрации или должностных лиц органов местного уровня создаёт риск произвольного привлечения к ответственности.

Одним из способов минимизации данных рисков является введение внутренних систем самоконтроля. Муниципальные образования могут разрабатывать локальные нормативные акты, регламентирующие проведение внутреннего аудита, мониторинг правоприменения и оценку эффективности собственных решений. Такие механизмы позволяют повысить качество работы органов МСУ, своевременно выявлять нарушения и устранять их без вмешательства внешних структур.

Для обеспечения эффективности профилактического контроля необходима цифровизация процессов взаимодействия. Применение электронного документооборота, ведение реестров проверок и использование квалифицированной электронной подписи всеми участниками контрольных процедур позволит снизить бюрократическую нагрузку и повысить прозрачность деятельности органов МСУ.

При этом цифровизация не должна сводиться к формальному внедрению программных средств. Она должна сопровождаться обучением сотрудников, совершенствованием нормативных процедур и созданием единого информационного пространства, где муниципалитеты смогут обмениваться опытом и аналитическими данными о типичных нарушениях.

Таким образом, развитие контрольно-надзорной деятельности должно идти по пути её рационализации, правового закрепления процедур профилактики и обеспечения справедливого соотношения ответственности и возможностей муниципальных органов.

Заключение

Проведённый анализ показал, что трансформация компетенции органов местного самоуправления является частью общегосударственной тенденции централизации и интеграции всех уровней публичной власти. С одной стороны,

такая интеграция способствует согласованности действий государства и муниципалитетов, рациональному использованию ресурсов и выработке единых подходов к решению социально-экономических задач. С другой стороны, она несёт риски утраты самостоятельности местных органов, размывания границ ответственности и снижения демократической вовлечённости граждан.

На современном этапе необходимо стремиться к формированию гибкой, но сбалансированной модели, в которой эффективность государственного управления сочеталась бы с принципом самостоятельности и подотчётности муниципальных органов перед населением. Достижение этого баланса требует дальнейшего совершенствования законодательства и разработки правовых механизмов координации, исключая дублирование полномочий и обеспечивающих чёткое распределение ответственности.

Практические рекомендации

1. Нормативное закрепление критериев разграничения компетенции. Следует законодательно определить критерии отнесения вопросов: к местным, совместным и делегированным полномочиям с указанием источников их финансирования.
2. Оценка финансовых последствий. Перед передачей новых полномочий органам МСУ необходимо проводить обязательную оценку бюджетных затрат и предусматривать компенсационные механизмы.
3. Совершенствование координационных процедур. Рекомендуется закрепить формы взаимодействия между уровнями публичной власти: совместные комиссии, согласительные процедуры, медиацию и арбитражные механизмы.
4. Введение профилактических инструментов в рамках контрольно-надзорной деятельности. Внедрение риск-ориентированного подхода позволит снизить давление на муниципалитеты и повысить результативность надзора с помощью интеграции муниципальных служащих к систематическому обучению по вопросам применения нового законодательства и управленческой практики. Необходимо обеспечить переход к электронным форматам взаимодействия, создание единого портала проверок и аналитики – это обеспечит прозрачность при реализации механизма контрольно-надзорной деятельности.
5. Укрепление общественного участия. Расширение институтов общественных советов и механизмов инициативного бюджетирования для усиления связи органов государственного управления и населения.

Реализация перечисленных мер позволит обеспечить правовую устойчивость деятельности муниципальных образований, повысить эффективность выполнения возложенных функций и укрепить демократические принципы местного самоуправления. В конечном итоге развитие системы МСУ должно привести к формированию такого уровня публичного управления, при котором сочетание самостоятельности и координации станет не противоречием, а условием эффективной жизнедеятельности территорий.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. - № 144.

[2] Федеральный закон от 06.10. 2003 г. (ред. от 20.03.2025) № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. - № 40. - Ст. 3822.

[3] Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2025. - № 12. - Ст. 1200.

[4] Васильев В.И. Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности / В.И. Васильев // Журнал российского права. 2015. № 9 (225). С. 149–161.

[5] Велихов Л.А. Основы городского хозяйства / Л.А. Велихов. М.: Наука, 1996. 480 с.

[6] Заболотских Е.М. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления: научно-практическое пособие / Е.М. Заболотских. М.: Проспект, 2015. 176 с.

[7] Кискин Е.В. Новый закон о местном самоуправлении в России: тактика или стратегия (опыт факторного анализа) / Е.В. Кискин // Федерализм. 2025. Т. 30, № 1. С. 32–51.

[8] Комлев Е.Ю. Этапы и тенденции развития законодательства о местном самоуправлении в современной России с учетом муниципальной реформы 2025 года / Е.Ю. Комлев // Lawinfo.ru. 2025. С. 15-18.

[9] Куконков П.И. Местное самоуправление как фактор сохранения и развития малого города / П.И. Куконков, С.В. Устинкин // Власть. 2022. Т. 8. № 2. С. 20–29.

[10] Куконков П. И. Социальная активность как фактор становления и развития местного самоуправления / П.И. Куконков, С.В. Устинкин, Ф.Г. Вагапова // Власть. 2024. Том 32. № 1. С. 120-130.

[11] Майкова Э.Ю. Двухуровневая система местного самоуправления в современной России: проблемы и перспективы развития / Э.Ю. Майкова, Е.В. Симонова // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 16. С. 209–214.

[12] Марков Е.М. Значение и пути развития малых городов в Программе пространственного развития России / Е.М. Марков // Вопросы местного самоуправления: стратегия и практика муниципального развития. 2022. № 2. С. 2–32.

[13] Пузанов А.С. Оценка территориальной доступности местного самоуправления: экономико-географическое исследование / А.С. Пузанов, Р.А. Попов // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 24–30.

[14] Сагдиева Э.А. Особенности территориальной организации местного самоуправления в Республике Татарстан/ Э.А. Сагдиева // Журнал Южно-Российский журнал социальных наук. 2025. № 1. С. 6-21.

[15] Тихомиров Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. М.: Юстицинформ, 2001. 355 с.

[16] Хубаева Д.Ф. Новеллы федерального законодательства о муниципальных выборах / Д.Ф. Хубаева // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 2. С. 95–99.

[17] Шугрина Е. С. Местные бюджеты как финансовая основа для осуществления полномочий органов местного самоуправления / Е. С. Шугрина // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 11. – С. 69–76.

[18] Шульц А.Э. Принципы местного самоуправления в новом Федеральном законе от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ / А.Э. Шульц // Образование.Наука.Научные кадры. 2025. № 12. С. 121-126.

[19] Законопроект № 1058242-8 Об организации контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и о внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1058242-8> (дата обращения: 12.12.2025).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. - № 144.

[2] Federal Law of 06.10. 2003 (as amended by 20.03.2025) No. 131-FZ “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. - № 40. - Art. 3822.

[3] Federal Law of 20.03.2025 No. 33-FZ "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – № 12. – Art. 1200.

[4] V.I. Vasiliev. Local self-government on the way of centralization and reducing the election/V.I. Vasiliev//Journal of Russian Law. 2015. № 9 (225). S. 149-161.

[5] Velikhov L.A. Fundamentals of urban economy/L.A. Velikhov. M.: Nauka, 1996. 480 s.

[6] Zabolotskikh E.M. Responsibility of officials and local governments: scientific and practical manual/E.M. Zabolotskikh. M.: Prospect, 2015. 176 s.

[7] Kiskin E.V. New law on local self-government in Russia: tactics or strategy (experience in factor analysis)/E.V. Kiskin//Federalism. 2025. T. 30, NO. 1. S. 32-51.

[8] Komlev E.Yu. Stages and trends in the development of legislation on local self-government in modern Russia, taking into account the municipal reform of 2025/E.Yu. Komlev// Lawinfo.ru. 2025. S. 15-18.

[9] P.I. Kukonkov. Local self-government as a factor in the preservation and development of a small town/P.I. Kukonkov, S.V. Ustinkin//Power. 2022. VOL. 8. № 2. S. 20-29.

[10] P.I. Kukonkov. Social activity as a factor in the formation and development of local self-government/P.I. Kukonkov, S.V. Ustinkin, F.G. Vagapova//Power. 2024. Volume 32. № 1. S. 120-130.

[11] Maykova E.Yu. Two-level system of local self-government in modern Russia: problems and development prospects/E.Yu. Maykova, E.V. Simonova//Socio-economic sciences and humanitarian research. 2016. № 16. S. 209-214.

[12] Markov E.M. Significance and ways of development of small towns in the Spatial Development Program of Russia/E.M. Markov//Local government issues: strategy and practice of municipal development. 2022. № 2. S. 2-32.

[13] Puzanov A.S. Assessment of the territorial accessibility of local self-government: economic and geographical research/A.S. Puzanov, R.A. Popov//Municipal property: economics, law, management. 2017. № 3. S. 24-30.

[14] E.A. Sagdieva. Features of the territorial organization of local self-government in the Republic of Tatarstan/E.A. Sagdieva//Journal of the South Russian Journal of Social Sciences. 2025. № 1. S. 6-21.

[15] Tikhomirov Yu.A. Theory of competence/Yu.A. Tikhomirov. M.: Justicinform, 2001. 355 pp.

[16] Khubaeva D.F. Short stories of federal legislation on municipal elections/D.F. Khubaeva//Legal Bulletin of Samara University. 2022. VOL. 8. № 2. S. 95-99.

[17] Shugrina E. S. Local budgets as a financial basis for exercising the powers of local governments/E. S. Shugrina//Constitutional and municipal law. – 2018. – № 11. – S. 69-76.

[18] Schulz A.E. Principles of local self-government in the new Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ/A.E. Schulz//Education. Science. Scientific personnel. 2025. № 12. S. 121-126.

[19] Bill No. 1058242-8 on the organization of control and supervisory activities in relation to local governments and officials of local self-government and on amending the Federal Law "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1058242-8> (date of reference: 12.12.2025).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.